

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

И. Р. ЛАВРЕЦКИЙ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК*

И СНОВА ГРЕМИТ БОЙ...

«Пробил час зажечь костер, и
пусть теперь только пламя этого
костра сверкает»

Хосе Марти

20 марта Лоро застрелил одного солдата близ «Каламины». Это взбудоражило военных, они решили прочесать местность в поисках партизан. 23-го в засаду, которой командовал Роландо, попал армейский патруль, тот самый, который шел по пятам Маркоса. Несколько залпов со стороны партизан, и от патруля осталось одно лишь название. Результаты этого первого боя с войсками превзошли самые радужные надежды партизан. 7 солдат было убито, 14 взято в плен, в том числе 4 раненых, которым партизанские врачи немедленно оказали медицинскую помощь. Среди пленных оказались офицеры — майор и капитан.

Взятые трофеи могли обрадовать любого партизана. Подумать только: 16 маузеров с 2 тыс. патронов, 3 миномета, 2 базуки, 3 автомата с двумя дисками к каждому, пулемет. Че велел провести с пленными политбеседу и отпустить их. Примечательным было поведение пленных офицеров, которые, как пишет Че в дневнике, выбалтывали все, словно попугаи.

Итак, этот первый бой с правительственными войсками принес победу? Да, но он и осложнил положение партизан. Этот бой означал начало войны, к которой партизаны еще не были подготовлены. Че, судя по некоторым свидетельствам его соратников, рассчитывал скрытно продержаться в районе Ньянкауасу до конца 1967 г. и только тогда приступить к боевым действиям. К этому времени, по его расчетам, уже действовали бы партизанские отряды в Перу и на севере Аргентины. Теперь же организаторы этих будущих баз — Чино и Бустос — находились в его отряде и после столкновения с войсками оставалось мало надежды, что они смогут выбраться отсюда.

К тому же первые выстрелы, первая кровь напугали некоторых политически малограмотных боливийских добровольцев из группы Мойсеса Гевары. Их трусость выводила Че из себя. 24 марта он записывает в дневнике: «Ньято и Коко пошли с вновь прибывшими «бойцами» в верхний лагерь, но вернулись с полпути, так как подонки не хотели идти. Придется их выгнать». На следующий день Че лишил четырех боливийцев звания партизан, отобрал их личные вещи, запретил выдавать им табак и пригрозил оставить без еды за невыполнение приказов.

* Окончание. Начало см. «Новая и новейшая история», 1972, № 1, 2.

И все же—какое блестящее начало по сравнению с первыми днями после высадки на Кубе! Тогда партизаны потерпели разгром, потеряли почти 60 человек убитыми, ранеными и сбежавшими с поля боя, лишились почти всего оружия. Здесь же они нанесли решительное поражение противнику в первом же бою. Да, начало действительно многообещающее.

25 марта состоялось собрание бойцов, на котором было решено впредь именовать отряд Армией национального освобождения Боливии, а также распространить сводку о результатах первого боя¹.

Только 27 марта эфир заполнили сенсационные сообщения о сражении с партизанами в районе Ньянкаусу. Правительство, пытаясь «спасти лицо», заверяло, что партизаны потеряли в бою «на одного убитого больше», что они расстреливали раненых солдат, что солдаты взяли в плен четырех партизан, в том числе двух иностранцев. Однако из правительственных реляций следовало и другое: властям хорошо известен состав отряда. Дезертиры и пленные немало рассказали полиции, Таня полностью «засвечена».

Че записывает в дневнике: «Судя по всему, установлено, какую роль играла Таня. Таким образом, пошли прахом два года хорошей и терпеливой работы. Теперь нашим гостям будет очень трудно выбраться отсюда. У меня создалось впечатление, что такой оборот дела совсем не понравился Дантону [Дебрэ], когда он об этом узнал». Когда запахло порохом, самозванный теоретик партизанской борьбы и «обновитель» марксизма, избравший себе в качестве боевого псевдонима имя Дантона, стал подумывать, как бы побыстрее вернуться в Париж.

Подводя итоги за март, Че писал: «Месяц изобиловал событиями. Можно набросать следующую панораму. Сейчас проходит этап консолидации и самоочищения партизанского отряда, которое проводится беспощадно. Состав отряда растет медленно за счет некоторых бойцов, прибывших с Кубы, которые выглядят неодохо, и за счет людей Гевары, моральный уровень которых очень низок (два дезертира, один сдавшийся в плен и выболтавший все, что знал; три труса, двое слабых). Сейчас начался этап борьбы, характерный точно нанесенным нами ударом, вызвавший сенсацию, но сопровождавшийся и до и после грубыми ошибками (выходки Маркоса, перешительность Браулио). Начался этап контрнаступления противника, которое до сих пор характеризуется: а) тенденцией к занятию ключевых пунктов, что должно изолировать нас; б) пропагандистской кампанией, которая ведется в национальных рамках и в международных масштабах; в) отсутствием до сих пор боевой активности армии; г) мобилизацией против нас крестьян. Ясно, что нам придется сниматься с места раньше, нежели я рассчитывал, и уйти отсюда, оставив группу, над которой будет постоянно нависать угроза. Кроме того, возможно, еще четыре человека преддут. Положение не очень хорошее».

Че крайне тяготился пребыванием Дебрэ и аргентинца Бустоса в отряде. Ни тот, ни другой в партизаны не годились, к тому же не скрывали своего желания побыстрее «обрести свободу». 3 апреля Че предложил Дебрэ и Бустосу три выхода: остаться в отряде, немедленно его покинуть на свой страх и риск или ожидать для этого более благоприятного момента. Гости выбрали третий вариант. Но прежде чем им удалось его осуществить, произошли еще два столкновения с правительственными войсками, закончившиеся, как и первое, решительной победой партизан. Оба столкновения имели место 10 апреля. Как и в первый раз, две войсковые колонны попали в партизанские засады. Результаты первого боя: 3 солдата убиты, несколько ранено, 6 взято в плен, включая унтер-офицера — начальника колонны. Второй бой закончился не менее успешно; потери противника составили: 7 убитых, 24 плененных, 5 раненых. Итого — 10 убитых, 30 плененных, среди них один майор и несколько унтер-офицеров. С таким счетом редко кончались бои даже на Сьерра-Маэстре. Победы были омрачены гибелью кубинца Рубио (капитана Хесуса Суареса Гайоля) в первой схватке. Пленных и на этот раз отпустили после соответствующей беседы.

¹ Че написал четыре сводки о военных действиях партизан, а также «Манифест Армии национального освобождения к боливийскому народу» и «Послание к боливийским шахтерам». Из этих документов только одна сводка появилась в боливийской печати. Остальные попали в руки властей, и их содержание стало известно только после гибели Че.

Попытки Че сплотить боливийцев и кубинцев не приносили желаемых результатов, несмотря на одержанные победы. 12 апреля Че записывает в дневнике: «В полседьмого утра собрал всех бойцов (кроме четырех подонков), чтобы почтить память Рубио и подчеркнуть, что первая пролитая кровь — кубинская кровь. Это необходимо было сделать, ибо среди бойцов авангарда прослеживается тенденция пренебрежительно относиться к кубинцам. Это проявилось вчера, когда Камба заявил, что он все меньше доверяет кубинцам... Я вновь призвал к единению, как единственной возможности увеличить наше войско, которое усилило свою огневую мощь и уже закаляется в бою, но не только не растет, а, наоборот, в последние дни сокращается».

Отряд продолжал колесить в районе Ньянкауасу, не отрываясь от своих подземных складов с продовольствием. Между тем бойцы в основном питались кошиной. 16 апреля у Тани и Алехандро поднялась температура до 39°. Заболел расстройством желудка Мойсес. В этих условиях 17 апреля Че принимает решение оставить в этой зоне часть бойцов, в том числе четырех лишенных партизанского звания боливийцев, а также больных, включая Таню, всего 13 человек, под командованием Хоакина. «Хоакину, — писал Че в дневнике, — я велел провести небольшую боевую операцию в окрестностях, чтобы отвлечь внимание от основной группы, и затем ожидать нас в течение трех дней. Остальное время он должен оставаться в зоне, но избегать фронтальных боев и дожидаться нашего возвращения».

Че был вынужден пойти на это: чтобы дать возможность уйти Дебрэ и Бустосу, он должен был побыстрей покинуть зону Ньянкауасу, где ему угрожало окружение боливийскими войсками. Больше Хоакин и Че уже не встретятся...

Хотя боевые действия продолжались уже около месяца и в основном результаты их были в пользу партизан, крестьяне, как правило, уклонялись от сотрудничества с ними. На это не мог не обратить внимание Че, тем более что поддержка крестьян в условиях маневренной войны становилась для него решающим фактором. В тот же день, 17 апреля, он записывает в дневнике: «Из всех крестьян, которых мы встречали, лишь один — Симон — согласился помочь нам, но и он был явно напуган».

Когда Че делал эту запись в дневнике, в Гаване по радио передавалось его послание Организации солидарности народов Африки, Азии и Латинской Америки, известное под названием «Создать два, три... много Вьетнамов — вот лозунг дня». В нем Че с присущей ему страстностью ратовал за создание очагов борьбы в Латинской Америке, которые должны были вызвать на себя огонь империализма. Если США не справляются с одним Вьетнамом, то тем более не совладают с двумя или тремя, — такова аргументация Че. Он предсказывал многолетнюю, кровопролитную войну с империализмом и призывал революционеров отбросить фракционную борьбу, объединиться и единым фронтом сражаться против общего врага.

Послание заканчивалось словами: «Наш каждый шаг — это боевой клич к борьбе против империализма и боевой гимн в честь народного единства против величайшего врага человечества — Соединенных Штатов Америки. Если смерть внезапно постигнет нас, мы будем приветствовать ее в надежде, что наш боевой клич будет услышан и другая рука подхватит наше оружие и другие люди запоют гимны под аккомпанемент пулеметных очередей и боевых призывов к войне и победе».

Вместе с этим документом в Гаване были опубликованы семь фотографий Че с измененной внешностью, с полуотросшей бородой. Партизанский лагерь был не назван. Эти фотографии доставил на Кубу, по всей вероятности, Чино. Потом, в месячном отчете, Че отметит: «После опубликования в Гаване моей статьи едва ли у кого есть сомнение в том, что я нахожусь здесь». И все-таки подобные сомнения испытывали многие — и друзья и враги, настолько удивительным казалось перевоплощение кубинского министра промышленности в таинственного Рамона, главу партизанского отряда в джунглях Боливии.

19 апреля партизаны задержали англичанина Джорджа Роса, выдававшего себя не то за журналиста, не то за фоторепортера. Рос походил на агента ЦРУ. Во всяком случае он уже успел поработать инструктором «Корпуса мира» в Пуэрто-Рико. Рос заявил, что прибыл в Боливию из Чили якобы с целью написать сенсационный репортаж о партизанах и подзаработать на этом.

Дебрэ, как утопающий за соломинку, ухватился за Роса. Он предложил Че пообещать англичанину материал о партизанах при условии, если Рос поможет ему и Бустосу выбраться из окружения. Бустос, пишет Че, «скрепя сердце, согласился с этим вариантом, а я умыл руки». В тот же день Рос, Дебрэ и Бустос покинули отряд.

День спустя Че услышал по радио, что все трое задержаны боливийскими властями. Их арест явился серьезным ударом для Че, который записывает в дневнике: «Дантон и Карлос (Бустос) стали жертвами собственной спешки, почти отчаянного желания выбраться, а также моего недостаточного сопротивления их планам. Таким образом прерывается связь с Кубой (Дантон), мы потеряли разработанную нами схему борьбы в Аргентине (Карлос)».

В течение следующих 10 дней отряд Че продвигался все дальше на север от своей прежней стоянки. Отряд проходил через селения, местные жители которых встречали бойцов с опаской и недоверием. В одной из стычек с солдатами погиб Роландо, бывший связной Че во время похода в Лас-Вильяс. Че был очень к нему привязан. В эти же дни от отряда отбился Лоро. Ряды партизан медленно, но неуклонно редели, а надежды на приток новых бойцов не было. Ни в одном из селений, через которые прошли партизаны, к ним не примкнул ни один из местных жителей. Не примкнул к ним и ни один рабочий с близлежащих нефтепромыслов, принадлежавших американцам. Партизаны выступали в селениях с зажигательными призывами к восстанию, к борьбе против империализма, но их призывы были подобны гласу вопиющего в пустыне. Население явно не доверяло им. Однако Че был уверен, что это временное явление и что партизанам в конце концов удастся преодолеть вполне понятное на первых порах недоверие.

Апрельский месячный анализ, хотя и отмечает и оценивает весьма трезво недочеты и ошибки партизан, в целом звучит оптимистически: «Дела идут более или менее нормально, хотя нам пришлось оплакивать гибель двух наших бойцов: Рубио и Роландо. Потеря последнего была особенно суровым ударом для нас, так как я собирался поставить его во главе самостоятельно действующего отряда. Мы провели еще четыре боя. Все они в целом дали хорошие результаты, а один из них даже очень хорошие — это та засада, в ходе которой погиб Рубио.

С другой стороны, мы по-прежнему полностью изолированы. Болезни подорвали здоровье некоторых товарищей, заставили разделить наши силы, что лишило нас многих возможностей. Мы все еще не установили контакта с группой Хоакина. Поддержки от крестьян не получаем, хотя кажется, что при помощи преднамеренного террора нам удалось нейтрализовать среди них наиболее враждебно настроенных к нам. Со временем они поддержат нас...

В итоге: это был месяц, в течение которого все развивалось в пределах нормы, принимая во внимание случайности, неизбежные в ходе партизанской войны. Моральный дух всех тех бойцов, что успешно прошли предварительный экзамен на звание партизана, на высоте».

В мае отряд продолжал двигаться по маршруту первого похода, где по пути были заложены тайники с продовольствием и боеприпасами. Однако скудная и недоброкачественная пища и, в особенности, отсутствие воды в здешних местах, а также усталость, нервное напряжение, — все это не могло не сказаться на физическом состоянии партизан, в частности самого Че. Почти все страдали от расстройства желудка, часто шли с высокой температурой. О состоянии Че можно судить по записям в дневнике. 9 мая: «Я чувствовал, что теряю сознание, и проспал около двух часов, чтобы возобновить поход медленно, еле волоча ноги». 13 мая: «Я чувствовал себя очень плохо». Три дня спустя Че вновь жалуется на острые рези в желудке и рвоту, но, несмотря на такое состояние, продолжает вести дневник изо дня в день.

Два новых столкновения с войсками, имевших место в мае, закончились, как и предыдущие, победой партизан. 8 мая в засаду попали 27 солдат. Завязалась перестрелка. Результат боя: трое — два солдата и младший лейтенант — убиты, 10 сдались в плен, из них двое раненых. Раненых подлечили и всех пленных отпустили. У убитого лейтенанта по фамилии Ларедо нашли дневник, в котором он обзывал трусами своих солдат, а рабочих — бездельниками и паразитами. У Ларедо было обнаружено также письмо его жены, в котором она просила прислать ей и ее приятель-

нице по «партизанской шевелюре» для украшения гостиной ². Классовый враг всюду спит на один покрыв — будь то нацист, сдиравший кожу со своих жертв на абажуры, или американский империалист, коллекционирующий уши вьетнамских патриотов, или боливийский «рэйнджер», мечтающий одарить свою сеньору шевелюрой партизана. Че, рассказывает Инти, это письмо и дневник Ларедо положил себе в рюкзак и хранил вместе с дневником.

Во время похода партизаны вошли в два больших селения — Пириренду и Карагуатаренду, где встречались с жителями, знакомили их со своей программой, намерениями, призывая желающих присоединиться к партизанскому движению. Но эти страстные призывы не принесли желаемых результатов.

Другим обстоятельством, вызывавшим беспокойство Че, было отсутствие каких-либо следов от яда Хоакина, который точно в воду канул. Всякие контакты с Ла-Пасом также прерывались и надежды на их восстановление не вырисовывались. 16 мая Че получил шифровку из «Манилы», которая подтвердила, как записал Че в дневнике, «полную изоляцию, в которой мы находимся». Это могло означать только одно — подпольный аппарат поддержки, созданный в Ла-Пасе, после провала Тани оказался парализован.

В июне отряд Че продолжал действовать все в той же зоне между Санта-Крус и Камири, не отрываясь от тайников и все еще надеясь на встречу с группой Хоакина. 14 июня, в день своего рождения, Че записывает в дневнике: «Мне исполнилось 39 лет, годы неизбежно бегут, невольно задумываешься над своим партизанским будущим. Но пока я в «форме»».

Тело его было искушено насекомыми, астма душила, мучили боли в желудке. Но воля пламенного революционера держала это слабое, уставшее тело на ногах, подавляя малейшую жалобу, малейшее проявление слабости. Разум его был ясным и трезвым, доказательством чему служат страницы дневника, где с точностью и поразительной беспристрастностью он фиксирует плюсы и минусы, действия, возможности и перспективы борьбы, чье знамя он поднял в горах Боливии и все еще думал победоносно пронести по горам и долинам его родной Латинской Америки. Со страстной неукротимостью, с храбростью беспримерной он вел свой небольшой отряд вперед, вызывая удивление и чуть ли не преклонение своих товарищей.

И не только его соратники прониклись к нему беспредельным уважением, крестьяне и жители селений, через которые проходил отряд, взирали на его командира — этого бородатого, в лохмотьях белолицего чужеземца, ласкавшего их детей и лечившего им зубы, Фернандо-зубодера, как его называли крестьяне, точно на пророка. Однако его все еще отделяла какая-то невидимая стена от этих боливийских индейцев, за счастье которых он и его соратники пришли сюда сражаться, победить или умереть, если такова будет воля судьбы. «Крестьяне, — пишет Че в июньском резюме, — по-прежнему не присоединяются к нам. Создается порочный круг: чтобы набрать новых людей, нам нужно постоянно действовать в более населенном районе, а для этого нам нужно больше людей».

И все-таки среди крестьян время от времени попадаются и такие, которые готовы сотрудничать с партизанами. Например, Паулино, молодой крестьянин, больной туберкулезом, которого Че 20 июля встретил в одном из селений. Паулино помог разоблачить полицейских шпииков, выдававших себя за торговцев свиньями. «Это был наш первый рекрут», — пишет о нем Инти ³. Он мог бы добавить, что и последний. Че поручил Паулино добраться до Кочабамбы, встретиться с женой Инти и передать ей послание в «Манилу», ибо к тому времени передатчик Че перестал работать. Теперь он мог только принимать сообщения «Манилы», но не посылать свои. Через Паулино Че послал и четыре сводки о боевых действиях отряда. Паулино пытался выполнить поручение Че, но ему так и не удалось добраться до Кочабамбы. По пути его арестовали, и послания Че оказались в руках врага...

26 июля в перестрелке с солдатами был ранен Помбо и убит кубинец Тума. Че относился к Туме, скромному, отважному бойцу, как к сыну, и остро переживал его

² I. P e r e d o. Mi camapaña con el «Che». La Paz, 1970, p. 103—104.

³ Ibid., p. 109.

гибель. Каждая потеря партизан, как отмечает в дневнике Че, была равносильна серьезному поражению.

В июле положение отряда не только не улучшилось, но и ухудшилось. Правда, стычки с войсками все еще заканчивались в пользу повстанцев. Однако и потери партизан были чувствительны: они потеряли двух человек убитыми — кубинца Рикардо, воевавшего в Сьерра-Маэстре и в Конго, и боливийца Рауля; двое партизан были ранены и не в состоянии самостоятельно передвигаться, а Че — с непрекращающимся приступом астмы и уже без необходимых для ее лечения лекарств. К тому же в одной из стычек партизаны потеряли 11 рюкзаков с медикаментами, биноклями и, что самое главное, магнитофоном, на который записывались шифровки из «Манилы». Теперь даже односторонняя связь с Гаваной практически прервалась.

В резюме за июль Че писал:

«Продолжают действовать те же отрицательные моменты, что и в прошлом месяце. Невозможность установления контактов с Хоакином и с нашими друзьями, а также потери в личном составе...

Наиболее важные особенности месяца таковы:

1. Продолжающееся полное отсутствие контактов. 2. Крестьяне по-прежнему не вступают в отряд, хотя имеются некоторые ободряющие признаки, наши старые знакомые среди крестьян принимали нас хорошо. 3. Легенда о партизанах распространяется по континенту... 4. Попытка установить контакт через Паулино потерпела неудачу. 5. Моральный дух и боевой опыт партизан растут от боя к бою. Слабо выглядят Камба и Чапако. 6. Армия ведет свои действия неудачно, но некоторые ее подразделения стали более боевыми. 7. В правительстве (Боливии. — И. Л.) углубляется политический кризис, но Соединенные Штаты предоставляют ему небольшие займы, которые по боливийским масштабам весьма значительны. Это несколько умеряет недовольство.

Наиболее важные задачи: восстановить контакты, набрать новых добровольцев, достать медикаменты».

В августе положение отряда осложнилось в связи с приступами астмы, выводящими из строя Че. Приостановить эти приступы можно было только при помощи лекарств, а в ближайших селениях их не было. Че решается на отчаянный шаг: вернуться в старый лагерь к одному из тайников, в котором запрятаны противоастматические лекарства и продовольствие. Восемь человек он посылает вперед, а сам с остальными медленно движется за ними. Он все еще надеется встретиться с группой Хоакина или по крайней мере узнать правду о ее судьбе.

Понуро бредут партизаны обратно, избегая населенных пунктов. Их терзает голод. У боливийца Чапако — признаки помешательства. У Че — нарыв на пятке, жар. Товарищи вскрывают нарыв, пытаются облегчить страдания своего командира, но самочувствие его продолжает оставаться прескверным, что он и отмечает в дневнике.

Че стремился поскорей добраться до заветного тайника. Там были спасительные лекарства, продовольствие. Но когда он был уже близок к цели, оказалось, что неприятель опередил его. «Черный день», — записывает Че в дневнике 14 августа. — Продвигались как обычно, но ночью из последних новостей узнали, что армия открыла тайник, к которому мы направлялись. Сообщаются детали, не вызывающие сомнения в правдивости сообщения. Теперь я осужден страдать от астмы неопределенное время. Радио сообщает также, что найдены различные документы и фотографии. Нам нанесен самый сильный удар. Кто-то нас предал. Кто? Пока это тайна». На следующий день радио сообщило, что армия обнаружила четыре тайника в районе главного лагеря. Теперь все запасы партизан были в руках врагов.

Отрезанные от всего мира — от «Манилы», от Хоакина, от боливийских связей, окруженные враждебным населением, загнанные в полудикий район, где водные источники были столь же редки, как птицы и животные, которыми можно было бы утолить голод, лишенные запрятанных в тайниках продуктов и лекарств, партизаны продолжают блуждать по джунглям в ожидании неизбежного конца...

Дневник Че — правдивое, жестокое зеркало, в котором отражен тернистый путь партизанского отряда, обреченного на гибель. «Все получилось скверно», — так начи-

нается дневниковая запись Че 26 августа. В этот день он потерял над собой контроль и в приступе ярости побил Антонио, забывшего выполнить какой-то приказ. «День проходит в отчаянных поисках выхода, результаты которых пока не ясны», — запись следующего дня. «День тяжелый и весьма мучительный» — 29 августа. Бойцы изнывали от нестерпимой жажды. 30 августа: «Положение становилось невыносимым: люди падали в обморок. Мигель и Дарио пили мочу, то же делал и Чино, с печальными последствиями — расстройством желудка и болевыми схватками. Урбано, Бенигно и Хулио спустились на дно ущелья и там нашли воду».

Месяц закончился, следует дать оценку положения, и Че это делает, как всегда, с поразительной правдивостью: «Наиболее важные элементы положения: 1. Мы по-прежнему лишены каких бы то ни было контактов и не имеем надежды установить их в ближайшем будущем. 2. Крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам — это естественно, принимая во внимание тот факт, что в последнее время мы мало встречались с ними. 3. В отряде наблюдается упадок духа, но, надеюсь, это временное явление. 4. Армия не действует более эффективно и напористо».

Мы переживаем момент упадка нашего боевого духа. Легенда о партизанах также тускнеет. Наиболее важные задачи — те же, что и в прошлом месяце: восстановить контакты, увеличить свои ряды за счет новых бойцов, обеспечить себя лекарствами и оружием.

Надо указать, что Инти и Коко все более проявляют себя как твердые и боевые революционные руководители».

Когда Че писал эти строки, в нескольких десятках километров от его отряда, недалеко от главного лагеря, на реке Рио-Гранде, Хоакин и его бойцы вели последний смертный бой с окружившими их боливийскими солдатами.

После того, как Че расстался с ним, Хоакин и его люди кружили в районе главного лагеря в ожидании возвращения своего командира. Положение группы Хоакина было не из легких. В ней, напомним, было четверо больных, в их числе Таня и Мойсес Гевара. В тяжелом состоянии находился и боливец Серапио. Он хромотал и постоянно отставал от отряда. Другой проблемой являлись четыре боливийца — Пако, Пепе, Чинголо и Эусебио, которых Че лишил за трусость звания партизан и за которыми нужен был глаз да глаз, ибо их дезертирство позволило бы противнику получить ценную информацию об отряде. 23 мая бежал боливец Пепе, сдался в плен и рассказал все, что знал о партизанах, однако это не спасло его от смерти. Разъяренные солдаты убили дезертира.

4 июня в перестрелке с противником погибли кубинец Маркос (майор Антонио Санчес Диас) и боливец Виктор (Касильдо Кондори Варгас). В середине июля в очередной схватке с противником был убит боливец Серапио, подлинная фамилия которого до сих пор не установлена. Месяц спустя при новой стычке с противником дезертировали боливийцы Эусебио и Чинголо. Оба предателя сообщили властям все, что знали о расположении тайников, подробно информировали о состоянии бойцов Хоакина, находившихся на пределе своих сил.

9 августа в очередном столкновении с войсками, которые, пользуясь услугами проводников из местных крестьян, вновь напали на след отряда, погиб от армейской пули 26-летний боливец Педро (Антонио Фернандес), один из руководителей комсомола Боливии. Теперь в группе Хоакина осталось всего 10 человек, включая его самого и Таню. Они полностью изолированы, окружены со всех сторон противником, без еды, без лекарств. Но сдаваться они не думают. Они все еще надеются встретиться с Че.

30 августа отряд Хоакина вышел к реке Рио-Гранде, к месту, где стояла хижина крестьянина Опорато Рохаса, того самого, с которым встретился Че во время своего тренировочного похода. Уже тогда Че назвал Рохаса «потенциально опасным».

Тем не менее, познакомившись с ним поближе, партизаны стали пользоваться его услугами. Рохас был обременен большой семьей: у него было восемь детей. Жил он убого, в нищете, как и большинство здешних крестьян. В 1963 г. Рохас забил быка местного помещика, чтобы накормить детей, за что просидел шесть месяцев в тюрьме. Так что у него никаких оснований для любви к властям не было, и он действительно в течение некоторого времени по поручению партизан покупал им продукты, одежду и лекарства в городке Вальеграде. В июне 1967 г. его вместе с другими 40 крестьянами арестовали и увезли в Вальеграде. Специальная команда по борьбе с партиза-

нами подвергла арестованных допросам и пыткам. Но Рохас не вымолвил лишнего слова, на этот раз он выстоял и его освободили, продолжая внимательно следить за каждым его шагом. Некоторое время спустя полиция вновь арестовывает Рохаса. Его увозят в Санта-Крус, где крестьянина допрашивает опытный агент ЦРУ Ирвинг Росс. Он не истязает Рохаса, а лишь предлагает: «Помоги нам захватить партизан и получишь 3 тыс. долл., кроме того, мы перевезем тебя и всю твою семью в Соединенные Штаты, дадим тебе там землю и будешь жить там как богат». Рохас, как в свое время Эутимио Герра на Сьерра-Маэстре, устоял перед пытками, но не перед соблазном превратиться в богача: он дал согласие сотрудничать с Россом. Теперь оставалось только ждать, когда партизаны выйдут на связь с предателем.

Рохас встретил партизан точно долгожданных гостей. Он обещал достать им продукты и подыскать подходящий брод через Рио-Гранде, на противоположном берегу которой, как он утверждал, партизаны смогут найти надежное укрытие. Оставив Рохасу деньги и договорившись прийти на следующий день за продуктами, партизаны ушли. Не успели они скрыться, как Рохас послал своего 8-летнего сына известить солдат о присутствии партизан в зоне. Получив это сообщение, майор Марио Варгас немедленно выступил по направлению к хижине Рохаса во главе отряда из 32 солдат, прихватив с собой проводника — местного крестьянина Хосе Кордону Толедо. На рассвете 31 августа, достигнув хижины Рохаса, Варгас велел ему ждать партизан и отвести их к броду (приблизительно в полутора километрах от его хижины), где будут ждать в засаде солдаты.

Приблизительно в 5 часов вечера того же дня Хоакин и его бойцы явились к Рохасу, который вновь разыграл из себя радушного хозяина, накормил, снабдил продуктами и отвел на условленное место. Партизаны стали переходить реку. Первым вошел в воду Браулио, предпоследней шла Таня, последним Хоакин. Когда все находились в воде с высоко поднятым над головой оружием, Варгас и его люди с обоих берегов открыли по партизанам ураганный огонь. Браулио, раненый, стал отстреливаться, убил солдата, но и сам был убит. Шесть других его товарищей, в их числе Таня и Мойсес Гевара, нашли героическую смерть в мутных водах Рио-Гранде. Каждый из них получил по семь-восемь пуль. Негро (перуанский врач Хосе Реситутто Кабрера Флорес) сумел скрыться в зарослях. Несколько дней спустя его поймали солдаты и забили насмерть прикладами. Живыми солдаты захватили только двоих: Пако (боливиец Хосе Кастильо Чавес), из числа исключенных, он получил три пулевых ранения, и врача Эрнесто (боливиец Фредди Маймура), который пытался оказать ему помощь. Солдаты накинулись точно звери на пленных: стали избивать их, требовать выдать местонахождение Че. Фредди Маймура держался достойно, показания давать отказался, даже когда выстрелом раздробили ему левое плечо. Разъяренная солдатня покончила с ним двумя выстрелами в спину. В живых остался только Пако. Он рассказал все, что знал, за что впоследствии его освободили. Пако — единственный оставшийся в живых из отряда Хоакина.

После бойни солдаты стали вылавливать из воды трупы и отвезли их в Вальегранде, где похоронили в общей могиле за городом. Танию нашли только неделю спустя в 3 км от места боя. На место находки прибыл на вертолете сам президент Баррьентос. Труп Тани привязали к вертолету и отвезли в Вальегранде. Место ее захоронения неизвестно. Предатель Рохас не получил, разумеется, обещанных 3 тыс. долл., в США его тоже не взяли. Баррьентос подарил ему небольшую ферму около г. Санта-Крус, куда он и переехал со своей семьей. В 1969 г. он был убит выстрелом в голову одним из сторонников Армии национального освобождения.

О гибели отряда Хоакина ходили противоречивые слухи. Обстоятельства ее были восстановлены только в 1971 г. корреспондентом «Prensa Latina» в Боливии, который встретился с Пако, проводником Хосе Кордоной Толедо и имел возможность ознакомиться с дневником Браулио, попавшим при гибели отряда в руки противника. Результаты этого исследования были опубликованы в журнале «Cuba Internacional»⁴. Корреспондент спросил Хосе Кордону Толедо, бедного крестьянина, отца пяти детей, почему он помогал военным. «Я надеялся на благодарность, — ответил Кордона, — хотя получил от генерала Баррьентоса только 200 песо. Он пригласил меня в Ла-Пас,

⁴ «Cuba Internacional», Septiembre 1971, p. 28—45.

обещал подарить ферму. Я поехал, пробыл в столице месяц, израсходовал 700 песо, но так и не увидел президента и ни с чем вернулся обратно.

— Вы знали, за что сражаются партизаны?

— Военные нам говорили, что партизаны хотят коммунизма, а при коммунизме, как нам объясняли военные, все превращаются в слуг государства, всех одевают в одинаковую одежду, семьи разрушаются. Нам говорили, что партизаны насилуют женщин, занимаются разбоем, убивают всех, кто не служит им. А главным образом, что они прибыли превратить нас в рабов. А я люблю свободу.

Самое поразительное, что на следующий день после гибели отряда Хоакина, 1 сентября вечером, Че и его бойцы пришли в хижину Рохаса! Она была пуста. Ничего подозрительного ни в ней, ни за ее пределами партизаны не обнаружили. Найдя в доме Рохаса еду, они приготовили нехитрый ужин, поели и двинулись дальше в путь. Если бы Че явился сюда днем раньше, возможно иной стала бы история Хоакина и его отряда.

На следующий день Че, слушая «Голос Америки», узнал, что по сообщению боливийских властей в районе Камири был разгромлен партизанский отряд в 10 человек во главе с кубинцем Хоакином. Сообщение это показалось ему недостоверным. Он еще долго не мог примириться с мыслью, что вся группа Хоакина погибла и только в самом конце сентября, когда боливийские радиостанции передали все обстоятельства ее разгрома, в том числе о гибели Тани, он признал, что это правда, хотя все же выразил надежду, что не все погибли и что «где-то бродит небольшая группа партизан, оставшихся в живых и избегающих столкновения с армией. Возможно, что сообщение о гибели всех семи бойцов той группы лживо или, по крайней мере, преувеличено».

В сентябре отряд Че продвигается в более населенной зоне, часто натываясь на крестьянские хижины и возделанные поля. Это дает возможность партизанам улучшить свой рацион, утолить жажду. С другой стороны — контакт с крестьянами смерти подобен. Крестьяне не только не сотрудничают с партизанами, они сотрудничают с армией. Че на этот счет не питает уже никаких иллюзий. В сентябрьском анализе он с присущей ему искренностью и откровенностью запишет, что «крестьянская масса ни в чем нам не помогает, крестьяне становятся предателями».

Но если Че в сентябре как бы обретает второе дыхание, уже не жалуясь более на состояние своего здоровья, сподвижники его один за другим выходят из строя. Девять месяцев нечеловеческих усилий измотали их не только физически, но и духовно. Нет, они еще не потеряли веру в конечную цель, они еще готовы были сражаться с оружием в руках, но теперь больше всего хотели отдохнуть, выспаться, утолить голод. 12 сентября Че записывает, что Антонио заснул на посту и потом отрицал это. Отказался выполнить приказ Чапако. 13 сентября Че предложил Дарио, проявившему признаки нервного расстройства, покинуть отряд. 16 сентября — крупная ссора между Антонио и Чапако; Эустакио обвинил Ньято в том, что он объедает товарищей; Хулио обвинил больного Врача в симуляции; Бенигно разрыдался. И все же Че записывает в месячном анализе: «Моральный дух большинства оставшихся у меня людей довольно высок».

22 сентября партизаны вошли в селение Альто-Сeko. Здесь, в убогих хижинах, ютились крестьяне — индейцы кечуа. Партизаны устроили в школе митинг. Перед молчаливыми крестьянами, настороженно, но внимательно слушавшими чужаков, сперва выступил Инти, а затем Че. Инти говорил о тяжелой доле индейцев, об эксплуататорах-помещиках, о продажных чиновниках. Инти пояснил, что партизаны борются за лучшую долю крестьян. Че напомнил своим слушателям, в какой нищете они живут. «Увидите, — сказал он, — что после нашего посещения власти впервые вспомнят о вас. Они пообещают построить вам больницу или еще что-нибудь. Но это обещание будет вызвано единственно тем, что мы действуем здесь, и если оно будет выполнено, то вы почувствуете, хотя и не прямым образом, какую пользу принесло вам наше партизанское движение». Это было последнее публичное выступление Че.

26 сентября отряд вошел в селение Игера, расположенное на высоте 2280 м. При выходе из селения наткнулись на засаду. Короткий бой с чуть ли не катастрофическим финалом. Трое — Коко, Мигель и Хулио — убиты, Бенигно — ранен, Паблито — с поврежденной ногой, боливийцы Камба и Леон — дезертировали и сдались в плен. Остальные едва спаслись бегством. Вся зона в округности — занята войсками.

✓ По всем дорогам наблюдается передвижение армейских частей. Теперь и думать нельзя заходить в селения, они явно превратились в мышеловки. 30 сентября Че отмечает в месячном анализе: «Наиболее важная задача — уйти отсюда и искать более благоприятную зону. Кроме того, надо наладить контакты, хотя весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен и там нам также нанесли тяжелые удары».

Первый день октября прошел спокойно. Утром партизаны добрались до редкого лесочка, где разбили лагерь, выставив у подходов к нему сторожевые посты. Внизу лежало ущелье, по которому проходили солдаты. На следующий день солдаты куда-то скрылись и партизаны спустились в ущелье, надеясь там заночевать, но Ньято затерялся. Решили вернуться, но заблудились и всю ночь не спали, страдая от холода и жажды.

3 октября партизаны смогли раздобыть воды и утолить голод. Приготовив еду про запас, они пустились в путь. Радио сообщило, что Камба и Леон взяты в плен. Че записывает в дневнике: «Оба дали обильную информацию о Фернандо (последний псевдоним Че. — *И. Л.*), его болезни и всем остальном, не говоря уже о том, что они сказали такое, о чем официально не сообщается».

Следующие три дня партизаны продолжали продвигаться из одной долины в другую, избегая встреч с крестьянами и военными патрулями, время от времени попадавшими в их поле зрения. 7 октября партизаны вошли в небольшую долину Кебрада де Юро⁵. Че запишет ночью этого дня: «В 5 часов мы вышли в путь. Луна еще светила и переход был очень утомительным. Мы оставили много следов, идя по ущелью, в котором не было домов, но были посевы картофеля. Их поливают водой из канав, отходящих от ручья, рядом с которым мы располагались до этого. В 2 часа ночи мы решили отдохнуть, но потом сочли бессмысленным продолжать наш путь. При ночных переходах Чино (страдавший сильной близорукостью. — *И. Л.*) превращается в настоящую обузу. Армия передала странное сообщение о том, что в Серрано расположились 250 солдат, преграждающих путь окруженным 37 партизанам и что мы находимся между реками Асеро и Оро. Новость эта выглядит забавно».

На этой записи, которая была сделана между 2 и 4 часами утра 8 октября, обрывается «Боливийский дневник» Че.

О том, что произошло в воскресенье, 8 октября, мы знаем со слов Инти, Помбо, Бенигно и Урбано⁶. В 4 часа утра 17 бойцов отряда Че после 2-часового отдыха снова пустились в путь. Вдруг в авангарде заметили какой-то свет. Стали наблюдать, но свет исчез. Решили, что им показалось, и возобновили марш. Впоследствии выяснилось, что это ходил местный крестьянин, привлеченный, по-видимому, голосами партизан. Он их заметил и немедленно донес солдатам в надежде получить крупную денежную награду, обещанную за информацию об отряде. Еще до него солдат уведомила о партизанах старуха-крестьянка, которую они встретили накануне.

С рассветом партизаны увидели, что долина была покрыта низким кустарником, а окружающие ее холмы — редкими деревьями. Партизаны были на виду. Че понял, в каком опасном положении оказался отряд, и поспешил послать несколько бойцов вперед по ущелью, а также на холмы справа и слева разведать обстановку. Вскоре с правого фланга сообщили, что ущелье окружено войсками. Часы показывали 8.30 утра.

Че не знал, известно ли о присутствии партизан в ущелье войскам или они действуют вслепую. Поэтому он приказал своим бойцам замаскироваться как можно лучше и никоим образом не выдавать себя; он надеялся, что с наступлением темноты отряду удастся с боем вырваться из окружения. Че таким образом распределил своих бойцов: на правый фланг он выдвинул Бенигно, раненого в плечо, Дарно и Инти; на левый — Помбо и Урбано. Сам он остался с 11 бойцами. На случай прорыва было условлено, что все собираются вместе у реки Пидельпарго. В 11.30 Че послал Ньято и Анисето

⁵ Многие географические названия, связанные с боливийской эпопеей Че, фигурируют на боливийских картах и в литературе по-разному. Например, Ньянкауасу и Ньякауасу (так в дневнике Че, но правильное первое название), Игера и Игерас, Юро и Чуро и т. д.

⁶ См. I. Paredo. Op. cit., p. 137—158; «Juventud Rebelde», 8.X.1970; «Bohemia», 1970, № 24, p. 36—43.

на смену Помбо и Урбано. Когда они попытались выполнить приказ, раздался выстрел, сразивший наповал Анисето. Ньято залег неподалеку.

Солдаты открыли по партизанам ураганный огонь из винтовок, пулеметов и гранатометов. Стрельба продолжалась до сумерек. Что происходило внизу в долине, сверху не было видно. Около 7 часов вечера, когда утихла стрельба, бойцы, находившиеся на флангах, выждали некоторое время, а затем спустились в ущелье в надежде застать там Че. Но ни Че, ни других товарищей они не обнаружили. Из их рюкзаков, оставленных в этом месте, были изъятые документы и деньги. Они решили, что Че отступил в условленное место встречи. Среди следов, которые вели туда, бойцы легко различили следы Че, который носил спитые из сыромятной кожи мокасины. Поэтому они все еще рассчитывали на встречу с ним. Но в условленном месте ни его, ни его товарищей не оказалось. Инти и находившиеся с ним бойцы продолжали идти по следам Че, которые привели их в Игеру, где они устроили короткий привал в кустах, неподалеку от сельской школы. В одной из комнат этой школы в тот момент в руках неприятеля находился раненый Че.

Что же произошло с Че и его товарищами в ущелье Юро 9 октября 1967 г.? Помбо, Бенигно и Урбано, исходя из известных ныне фактов, так реконструируют события: как только началась стрельба, Че разделил своих бойцов на две группы, в одну вошли больные — Врач, Эустакио и Чапако. К ним он присоединил Паблито в качестве полноценного бойца и приказал им спешно отходить к реке Пидельпарго. Сам же с Вилли, Антонио, Артуро и Пачо, а также Чино, который самостоятельно не мог передвигаться, решил прикрыть отход первой группы. Таким образом, чтобы спасти в первую очередь больных, Че и его товарищи приняли огонь на себя. Когда перестрелка закончилась, Антонио, Артуро и Пачо оказались убитыми, а Че ранен в ногу. Винтовка его была изуродована вражеской пулей, в пистолете — пустая обойма. Следовало, не теряя времени, уходить с этого места. Вилли относит на себе раненого Че на ближайший уступ, где они скрываются в редком кустарнике, Чино пытается следовать за ними, но теряет очки и опускается на землю, безуспешно пытаясь их найти. Некоторое время спустя на уступе, где скрываются Че и Вилли, солдаты пытаются установить гранатомет, слышат шорох в кустах, бросаются туда. Видят, Че перевязывает себе рану на ноге. Минуту спустя Че и Вилли в руках солдат. Их доставляют в Игеру, в школу, превращенную в место заключения. Несколько позже туда приводят взятого в плен Чино.

Но обо всем этом Помбо и его товарищи узнали значительно позже. Теперь же, с рассветом 9 октября, они спешили покинуть окрестности Игеры. Днем они увидели, как прилетел в Игеру вертолет, а потом снова поднялся на воздух и скрылся вдалеке. Этот вертолет увозил из Игеры труп Че. Но и этого они тоже тогда еще не знали. У Бенигно сохранился маленький приемник. По нему партизаны слышали о взятии в плен и гибели Че и о том, что у истоков реки Миске погибли кубинский врач Моро, Паблито (Франсиско Уанка Флорес), перуанец Эустакио (Луис Гальван Идальго — радиотехник) и Чапако (Хайме Арана Камперо). Теперь в живых осталась только их группа из шести человек. Но у них было еще оружие и железная воля защищать свою жизнь до последней капли крови.

Маленький отряд, командиром которого бойцы назначили Помбо, прорвал, сражаясь, два кольца окружения и 13 ноября вышел в район шоссе Кочабамба — Санта-Крус. Здесь произошла очередная стычка с преследовавшими его по пятам войсками, в которой погиб общий любимец Ньято — 30-летний боливийский коммунист Хулио Луис Мендес. Но теперь партизаны действовали в зоне, где у них были друзья. И хотя правительство Боливии обещало награду в 10 млн. боливийских песо за их поимку, никто из крестьян, к которым они обращались за помощью, не выдал партизан.

Весть о том, что Инти и его товарищи находятся в районе шоссе Кочабамба — Санта-Крус, дошла до их единомышленников в этих городах, и они решили сделать все возможное, чтобы спасти преследуемых. По шоссе стали курсировать автомашины с друзьями, пытавшимися установить контакт с партизанами. На одну такую машину наткнулся Инти. Это было спасение. Вскоре вся пятерка укрылась в Кочабамбе у надежных товарищей. В феврале 1968 г. кубинцы — Помбо, Бенигно и Урбано перебрались на запад Боливии и перешли границу Чили. В Чили их арестовали, но вскоре выслали на остров Пасхи, откуда трое кубинцев на самолете вылетели

тихоокеанским маршрутом в Париж. Прошло еще несколько дней, и они вернулись в родную Гавану.

Инти остался в Боливии. Он решил продолжать революционную борьбу, верный заветам Эрнесто Че Гевары. 9 марта 1969 г. в Ла-Пасе полиция напала на дом, в котором скрывался Инти. В завязавшей перестрелке Гидо Передо Лейте — верный соратник Че — погиб. Некоторое время спустя такая же участь постигла и Дарио.

Такова была судьба участников отряда «Фернандо». Но история самого Че на этом не заканчивается.

ПО ТУ СТОРОНУ БАРРИКАДЫ

«Последние часы его жизни во власти презренных врагов должны были быть очень горькими для него. Но никто из людей не был лучше подготовлен, чем Че, встретить подобное испытание».

Фидель Кастро

С начала 1967 г. в военных и правительственных кругах Боливии ходили слухи о готовившемся вот-вот вспыхнуть партизанском движении и о присутствии в стране Эрнесто Че Гевары. Президент Баррьентос, отличавшийся крайней самоуверенностью, решительно опровергал эти слухи. 11 марта 1967 г. он хвастливо заявил журналистам в Ла-Пасе: «Я не верю в привидения. Я убежден, что Че Гевара на том свете вместе с Камило Сьенфуэгосом и другими жертвами режима Кастро».

Но именно в этот день, 11 марта, из «Каламины» бежали бойцы из отряда Мойсеса Гевары — Висенте Рокобадо Террасас и Пастор Баррера Кинтана. Как выяснилось позже, первый из них был старым полицейским шпиоком, второй — просто дезертиром, жаждавшим стать предателем. Оба они надеялись дорого продать имевшуюся у них информацию: ведь им доподлинно было известно присутствие кубинцев в партизанском отряде и что его возглавляет сам Че Гевара!

Предатели добрались до Вальегранде, где их 14 и 15 марта допросила военная разведка. Из Вальегранде полетели телеграммы в Ла-Пас. В правительственных кругах сообщение о присутствии Че в районе реки Ньянкауасу на первых порах не вызвало доверия. Тем не менее был отдан приказ немедленно захватить «Каламину» и проверить показания дезертиров.

16 марта отряд солдат выполнил приказ и занял «Каламину», где обнаружил различные предметы, подтверждавшие присутствие в зоне партизан. 23 марта произошло первое крупное вооруженное столкновение с партизанами, которое позорно проиграла боливийская армия. Из Камири немедленно было известна шифровка в Ла-Пас, о ее содержании было доложено командующему армией генералу Альфредо Овандо и начальнику военной разведки Федерико Аране. Овандо передал новость президенту Баррьентосу, а Арана — дежурному американскому советнику из Службы военной помощи США, действовавшей при генштабе боливийской армии.

Баррьентос и американский советник в свою очередь проинформировали о событиях посла США в Боливии Дугласа Гендерсона, который, не теряя времени, послал соответствующую шифровку в Вашингтон, где с нею сперва ознакомился Уильям Боудлер, советник президента Джонсона по латиноамериканским делам, а затем Уолт Ростоу, советник президента по особо важным зарубежным делам, который при содействии ЦРУ и Пентагона стал вырабатывать соответствующие предложения президенту США⁷.

Пентагон в лице начальника генштаба генерала Джонсона и командующего Сауткомом (так называемая группа Южного командования вооруженных сил США с местопребыванием в зоне Панамского канала) генерала Портера настаивал на немедленной интервенции в Боливию и предлагал создать для этого ударную группу под названием «командование региональной помощи». Директор ЦРУ Ричард Хелмс пред-

⁷ См. А. St. George. Como Estados Unidos Capturo al Che.— «Marcha», 18.IV. 1969, p. 16—17.

лагал поручить разведке ликвидацию отряда Че⁸. О том, что было решено тогда в Вашингтоне и какая линия поведения была продиктована Баррьентосу, послушно ожидавшему приказов своего хозяина и преданно следовавшему им, можно судить как по его действиям, так и действиям его покровителей из Белого дома.

Как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но Вашингтон, а за ним и боливийские власти сделали все возможное, чтобы скрыть от общественности то, что им стало известно в марте 1967 г., а именно: что в Ньянкауасу действует международный партизанский отряд, возглавляемый прославленным партизанским командиром Эрнесто Че Геварой. Когда боливийские газеты сообщили, что партизан возглавляет Че, боливийские власти поспешили разъяснить: речь идет не о Че, а о его однофамильце — шахтерском вожаке Мойсесе Геваре.

Чем объясняется такое странное поведение тех, кто, казалось бы, получив неопровержимые данные о пребывании Че во главе партизанского отряда в Боливии, должен был закричать об этом на весь мир? Пикантность данной ситуации заключалась именно в том, что, получив, казалось бы, такой блестящий повод для отправки войск в Боливию, как пребывание Че во главе партизанского отряда в этой стране, правящие круги США отказались им воспользоваться. А для этого было необходимо скрывать и сам повод. Почему? Потому что интервенция в Боливии могла бы действительно создать «второй Вьетнам» в Латинской Америке, о котором говорил Че.

Таким образом, решившись на отсылку войск в Боливию, Вашингтон выполнил бы волю Че, действовал бы ему на руку. Но с президента Джонсона было достаточно одного Вьетнама и он вовсе не пылал желанием «создать второй Вьетнам». С него было достаточно одной интервенции в Доминиканскую Республику, которая вызвала огромную волну протестов не только во всей Латинской Америке и на других континентах, но и в самих США, чтобы он вновь отдал приказ послать морскую пехоту в боливийские джунгли. Спешить с этим ему никоим образом не хотелось. Следовало избавиться от Че любым другим способом и желательно руками местных реакционеров, как это было сделано с партизанами в Перу, Гватемале, Венесуэле, Аргентине.

С этой целью в Вашингтоне была создана Специальная оперативная группа для ликвидации отряда Че. Ее возглавил бригадный генерал авиации Уильям К. Скер, начальник разведки Сауткома в зоне Панамского канала, владевший испанским языком и набивший руку на подавлении партизанских движений в Перу, Колумбии и Венесуэле. Его заместителем был назначен подполковник Редмонд И. Уебер, командир 8-го полка специальных сил (райнджеров), размещавшегося в той же зоне Панамского канала. Уебер создал из своих «специалистов»-диверсантов подвижное тренировочное подразделение из 50 человек под началом майора Ральфа У. Шелтона по прозвищу Паппи, бывшего начальника антипартизанских школ в Лаосе и Доминиканской Республике, которому было поручено подобрать из боливийцев и подготовить отряд райнджеров в 600 человек. На это ему было дано два месяца. Одновременно Паппи должен был организовать интенсивную переподготовку трех пехотных рот для борьбы с партизанами, на что ему дали месяц.

Важную роль при подготовке этих частей для борьбы с партизанами играла разведывательная работа, которую должны были вести специальные разведгруппы при соединениях райнджеров. В задачу их входили не только вербовка агентуры среди местного населения, но и «вкрапливание» в местную среду профессиональных осведомителей, которые выдавали себя в сельской местности за сантехников, охотников, кушцов, учителей, родственников местных людей, сборщиков налогов, агрономов, студентов и просто туристов. В тренировочном лагере райнджеров около Санта-Круса эти «науки» преподавали агенты ЦРУ — кубинские контрреволюционеры капитаны Феликс Рамос, Эдуардо Гонсалес и капитан пуэрториканец Маргарито Крус.

В начале августа райнджеры, подготовленные Паппи, были распределены в зоне действий партизанского отряда Че, а Рамос, Гонсалес и «консультант» министерства внутренних дел некий Габриель Гарсна — все трое кубинцы, выдававшие себя за докторов неизвестно каких наук, снабженные рекомендациями Баррьентоса и резидента ЦРУ в Боливии Уильяма Коулхэна, были прикомандированы к штабу 8-й дивизии, расположенному в Камири, где взяли под свой контроль всю разведывательную рабо-

⁸ «Marcha», 25. IV. 1969. p. 19; 2.V.1969, p. 19—21.

ту. Они лично допрашивали Дебрэ и других арестованных, подозреваемых в связях с партизанами, инструктировали осведомителей и занимались другими подобными делами. Начальник разведки 8-й дивизии Арнольдо Сентено заявил 13 июля 1968 г. суду, рассматривавшему дело бывшего министра внутренних дел Антонио Аргедаса: «Во всех действиях против партизан мы широко сотрудничали с Феликсом Рамосом и Эдуардо Гонсалесом, так как знали, что они служили Соединенным Штатам — стране, являвшейся нашей союзницей в антипартизанской борьбе»⁹.

Подполковник Андрес Селич Шон — командир 3-го батальона рейнджеров, участвовавших в последнем сражении с отрядом Че, показал: «Находившиеся в районе боевых действий агенты ЦРУ осуществили важную работу. Хочу особо отметить, что они предоставили нам фотографии действовавших в этом районе партизан, сообщили их приметы и позволили таким образом узнать о них все до их поимки». Офицер боливийской разведки Мойсес Васкес со своей стороны заявил: «Вся информация министерства внутренних дел, прежде чем поступить в разведывательный отдел армии, направлялась в американское посольство через сотрудника ЦРУ Соединенных Штатов капитана Хьюго Мэррея. Эта информация предоставлялась его агентами, работавшими в министерстве внутренних дел»¹⁰.

Уже 29 сентября американские агентства сообщили из Камири, что боливийские войска обнаружили отряд Че Гевары в ущелье в 128 км к северо-западу от этого города и что сюда перебрасываются из Санта-Крус части рейнджеров, вымуштрованных американскими советниками, прошедшими «школу» вьетнамской войны¹¹. Американцы были настолько уверены, что их подручным удастся на этот раз расправиться с противником, что «The New York Times» 7 октября опубликовала статью под названием «Последнее сражение Че Гевары», в которой была в литавры по поводу его предстоящей неминуемой гибели.

8 октября сержант Уинка, захватив в плен Че и Вилли, сообщил об этом командиру отряда рейнджеров, действовавшего в ущелье Юро, капитану Гарри Прадо. Это были первые пленные (Чино схватили несколько часов спустя), и Прадо поспешил взглянуть на них. Он сразу же узнал в одном из раненых Че. «Я был так поражен, что чуть не лишился сознания», — признался впоследствии он журналистам. Прадо немедленно связался по радио с командующим 8-й дивизией полковником Сентено, которому передал кодовую фразу: «500 кансада», которая означала: «Че пленен».

Вслед за этим Че и Вилли под усиленной охраной были направлены в Игеру. Сюда они прибыли ночью, их закрыли в школе — маленькой хибаре из двух комнат. В одной из них поместили Че, скрутив ему предварительно руки, в другой — Вилли и Чино, тоже со связанными руками. С рассветом начинают приземляться в Игере вертолеты с важными персонами. Первыми появляются полковник Андрес Селич и полковник разведки Мигель Аноро, затем полковник Сентено, командующий армией генерал Овандо, командующий флотом контр-адмирал Угартече, «доктор» Гонсалес и другие агенты ЦРУ. Все они входят в комнату к Че, пытаются разговаривать с ним. Наглому Угартече Че плюнул в лицо, другого офицера, грубо разговаривавшего с ним, он ударил ногой.

Что говорил своим врагам в эти свои последние часы Че, доподлинно неизвестно. У него была еще беседа со школьной учительницей 22-летней Хулией Кортес. На классной доске было написано мелом по-испански: «Я уже умею читать». Че сказал учительнице, улыбаясь: «Слово «умею» написано с ударением: это ошибка!» Затем он стал ей рассказывать о развитии образования на Кубе. Даже в эти предсмертные часы он не забывал вести революционную пропаганду.

«Доктор» Гонсалес пытался его допрашивать, но Че молчал.

— О чем же вы думаете? — спросил его враг.

— Я думаю о бессмертии революции.

Возможно, это были его последние слова.

⁹ См. А. Аргедас. Я был агентом ЦРУ. — «Литературная газета». 17.VI. 1970, стр. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ «El Orientador Revolucionario», 1967, № 26, p. 13.

Все утро Овандо и другие высокие чины вели переговоры с правительством по радио, а Гонсалес и его коллеги по ЦРУ — с американским посольством в Ла-Пасе. Гонсалес хвастливо передал по радиотелефону своему начальнику — майору Шелтону: «Паппи, он у меня в руках»¹².

Да, он действительно был теперь в руках своих смертельных врагов. В полдень все они, за исключением Селича и Аноро, покинули Игеру и направились в Вальеграде. Они увезли с собой документы из рюкзака Че, в том числе его знаменитый дневник.

Около половины второго 9 октября 1967 г. к Вилли и Чино вошли рейнджеры и из автоматов убили обоих. Вилли успел крикнуть перед смертью: «Я горд, что умираю вместе с Че!». Немедленно вслед за этим к Че ворвался младший лейтенант Марио Теран и в упор расстрелял его.

Че, Вилли, Чино...

Они были еще так молоды...

БЕССМЕРТНОЕ ДЕЛО РЕВОЛЮЦИИ

«Мое поражение не будет означать, что нельзя было победить. Многие потерпели поражение, стараясь достичь вершины Эвереста, и в конце концов Эверест был побежден».

Эрнесто Че Гевара

Враги убили Че. Они спешили его убить. Почему?

Совершая это подлое, вероломное убийство раненного, связанного пленника, враги не только стремились утолить душившую их жажду мести. Убийство Че было не обычное, а политическое убийство, ибо живой Че, хоть и плененный, хоть и в оковах, хоть и израненный, представлял для его врагов все еще огромную опасность. Они знали, что суд над Че был бы опасен для них: от выступлений Че не поздоровилось бы ни правительству Баррьентоса, ни его американским патронам. Держать же живого Че без суда за решеткой было не менее опасно. Весь мир поднялся бы на его защиту и пока он оставался в камере, спокойно не могли бы спать ни «гориллы», ни их дрессировщики из Вашингтона. Только со смертью Че они надеялись вновь обрести покой.

Они убили его еще и потому, что были уверены: их отвратительное преступление останется нераскрытым. Когда в тот же день, 9 октября, еще не остывший труп Че был доставлен вертолетом в Вальеграде и сдан в местную больницу врачам на предмет констатации смерти, представители боливийского командования заявили журналистам, что Че скончался от ран, полученных в бою в ущелье Юро.

Но сами же буржуазные журналисты помогли разоблачить эту ложь. Во-первых, еще до того, как была пущена в ход эта лживая версия, Овандо бахвалится перед журналистами, что Че якобы заявил, оказавшись в плену: «Я потерпел поражение». Однако и врачи, осматривавшие труп Че в Вальеграде, и журналисты, которым была предоставлена такая же возможность, и сделанные ими снимки — неопровержимо свидетельствуют, что на теле Че было девять пулевых ран, из них по крайней мере две были смертельные: рана в сердце и рана в шею. Из этого следовало, что если бы Че получил эти раны в бою, то он не мог сделать заявления, приписываемого ему Овандо, если же он сделал такое заявление, то, следовательно, он был убит уже находясь в плену у рейнджеров.

Журналисты разыскали десятки свидетелей, которые подтвердили, что Че был доставлен в Игеру с одним пулевым ранением в ногу, что там его пытались допрашивать, что он говорил с учительницей, наконец, что его убил Марио Теран. Никто также не подвергал сомнению и того факта, что Вилли и Чино были действительно расстреляны в комнате рядом с Че, хотя о них тогда меньше всего говорилось в печати.

¹² L. J. Gonzales, Y. A. Sánchez Salazar. The Great Rebel. New York, 1969, p. 202.

Журналисты стали задавать по поводу всех этих фактов «нескромные» вопросы представителям боливийского правительства, которые не могли связать концы с концами и с каждым новым «пояснением» и «опровержением» все больше запутывались и выдавали тех, чьи руки были обгажены кровью Че. Когда стало очевидным, что скрыть от мировой общественности правду об убийстве Че становится все труднее, боливийские власти пошли на преступление: они скрыли труп Че. 10 октября труп Че исчез из Вальеграде. По одним заявлениям Баррьентоса и Овандо труп Че был захоронен в Боливии в только им известном месте, по другим же их заявлениям он был кремирован, а прах захоронен. Ходили слухи о том, что труп Че был передан ЦРУ, агенты которого увезли его в американскую зону на Панамском канале¹³.

Точно известно одно: прежде чем избавиться от тела Че, носившего на себе доказательства их вины, убийцы сняли с его лица маску и отрубили кисти его рук, заспиртовали их. Им были нужны доказательства, что их жертва — действительно Че. Они опасались, что народы не поверят, что они могли одолеть такого гиганта, каким был Че.

Но их опасения были напрасны. Сомнений быть не могло, что Че погиб, что его уже нет в живых. И одними из первых, кто за пределами Боливии признал этот факт, были кубинские руководители. Уже с 10 октября печать Кубы изо дня в день публиковала сведения о трагических событиях в Боливии, в том числе различные подробности и версии о гибели Че. Хотя все эти сведения печатались без комментариев, народ понимал, какая страшная правда в них заключена.

15 октября это подтвердил Фидель Кастро в своем выступлении по телевидению и радио. Вождь кубинской революции подробно осветил обстоятельства гибели Че и разоблачил его убийц, лихорадочно пытаясь замести следы своего преступления. В заключение Фидель Кастро огласил постановление Совета министров Кубы, в котором отмечались заслуги Че в борьбе кубинского народа и народов Латинской Америки за освобождение от империалистического гнета. Объявлялся 30-дневный траур, а 8 октября провозглашалось «Днем Героического партизана». Учреждена была комиссия по проведению траурных мероприятий и увековечиванию памяти Че во главе с Хуаном Альмейдой.

18 октября в 8 часов вечера на площади Революции в Гаване, где народ столько раз приветствовал Че, десятки тысяч жителей кубинской столицы в глубоком молчании слушали слова Фиделя Кастро о героических подвигах и трагической гибели того, кто жил, боролся и отдал свою жизнь за свободу, счастье всех народов Латинской Америки...

Гибель Че взволновала и потрясла трудящихся всех стран. В Гавану нескончаемым потоком шли послания с соболезнованием от коммунистических партий и других прогрессивных организаций, от деятелей международного рабочего движения. 17 октября 1967 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза направил в адрес Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы товарищу Фиделю Кастро телеграмму: «Коммунисты Советского Союза с глубокой скорбью восприняли весть о героической гибели товарища Эрнесто Че Гевары. Товарищ Че Гевара погиб за великое дело освобождения народов от гнета и эксплуатации. Он навсегда останется в нашей памяти как мужественный революционер, человек высокой душевной чистоты и беспримерной самоотверженности». 18 октября эта телеграмма была опубликована в «Правде», где также был напечатан некролог Эрнесто Че Геваре, подписанный Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и другими членами Политбюро ЦК КПСС.

Что касается Латинской Америки, то там гибель Че вызвала такую волну возмущения и гнева против империализма США и его боливийских слуг, такое глубокое чувство солидарности с подвигом Че, которые по своему накалу и эмоциональности можно было сравнить разве только с волной солидарности, захлестнувшей континент в связи с победой кубинской революции в 1959 г.

¹³ Опасаясь, что о школе, в которой были убиты Че и его товарищи Вилли и Чино, станет местом паломничества, власти приказали разрушить ее и на ее месте выстроить такую же жалкую хижину, только под другим названием — «Санитарный пункт». После смерти Баррьентоса это здание вновь было отдано под школу. — «Cuba Internacional», Octubre 1971, p. 20—29.

Смерть Че породила тысячи и тысячи новых врагов империализма в странах Латинской Америки. Характерно, что даже многие буржуазные газеты как в США, так и в Латинской Америке писали в эти дни, что гибель Че ничего не решает, ибо пока народы Латинской Америки будут жить в нищете, здесь неизбежны новые социальные потрясения, появление еще более мощных революционных движений, чем то, которое возглавлял расстрелянный в безвестной сельской школе в Игере Эрнесто Че Гевара.

Нам предстоит рассказать еще о некоторых фактах, имеющих отношение к пребыванию Че в Боливии, в частности к обстоятельствам его смерти.

Когда погиб Че, в Камири все еще продолжался процесс над Дебрэ, Бустосом и другими «участниками» партизанского движения. Теперь, со смертью Че, отпала необходимость для боливийских властей в продолжении этого фарса. 17 ноября военный суд осудил Дебрэ и Бустоса на 30 лет тюремного заключения, провокаторы тоже получили «сроки», что не помешало им сразу же обрести свободу. Дебрэ и Бустос просидели в заключении в том же Камири до января 1971 г., когда были амнистированы и высланы в Чили. Месяц спустя Дебрэ прибыл на Кубу, а затем вернулся в Европу.

В июле 1968 г. весь мир облетела сенсационная новость. Фидель Кастро объявил в Гаване, что кубинское руководство получило из Боливии от одного своего доброжелателя фотокопию дневника Эрнесто Че Гевары и, убедившись в его подлинности, решило опубликовать большим тиражом на Кубе для бесплатного распространения. Кубинское руководство также решило безвозмездно передать зарубежным издательствам копию дневника для его опубликования за границей.

3 июля 1968 г. Фидель Кастро выступил по гаванскому телевидению и представил для всеобщего обозрения фотокопии дневника Че, а также других документов, захваченных боливийскими властями при его пленении. Глава кубинского правительства разоблачил постыдные махинации боливийских высоких чинов, пытавшихся на протяжении восьми месяцев продать иностранным издательствам дневник своей жертвы чуть ли не за миллион долларов. Сомнений быть не могло: дневник Че и все другие документы из его рюкзака, хранившиеся до сих пор за крепкими замками в сейфах президента Боливии и ЦРУ в Вашингтоне, оказались в Гаване, и теперь революционная Гавана, а не Ла-Пас и Вашингтон, обнародует их. Но кто же передал их в Гавану?

Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать. 19 июля того же года из Боливии бежал в Чили министр внутренних дел Антонио Аргедас, один из самых доверенных людей президента Баррьентоса. Аргедас заявил чилийским журналистам, что на протяжении ряда лет он был агентом ЦРУ и что именно он, решив порвать со «зловещей бандой, которая плетет заговор вокруг человечества», переслал документы Че в Гавану.

Некоторое время спустя Аргедас вернулся в Ла-Пас и был арестован; его судил высший военный трибунал при закрытых дверях. В сентябре 1969 г. власти разрешили Аргедасу покинуть Боливию, и он с семьей уезжает в Мексику, а некоторое время спустя обосновывается на постоянное жительство в Гаване. Вскоре после этих событий фотокопии тайного судебного дела Аргедаса — 250 кадров — очутились за границей и выдержки из них стали появляться в печати разных стран Латинской Америки и Европы¹⁴. Затем протоколы этого процесса были полностью опубликованы в книге аргентинского публициста Грегорио Сельсера «ЦРУ в Боливии»¹⁵.

Аргедас признал, что именно он передал дневник Че в Гавану, сделал он это безвозмездно и из патристических побуждений. «Из бесед с североамериканскими чиновниками, — заявил Аргедас суду, — я выяснил, что североамериканское правительство хотело вызвать широкий интерес к содержанию походного дневника майора Эрнесто Гевары, дабы затем дать дневнику собственную версию и внести значительные изменения в оригинал с целью оправдать многостороннюю вооруженную агрессию против Кубы и массовые репрессии внутри страны. То есть была задумана провокация с выпуском фальшивого или далекого от подлинного текста дневника»¹⁶.

С опубликованием подлинного дневника Че в Гаване провокационные планы ЦРУ были сорваны.

¹⁴ Выдержки из этого дела были опубликованы К. Карениным в июне 1970 г. в «Литературной газете», №№ 25, 26.

¹⁵ G. S e l s e r. La CIA en Bolivia. Buenos Aires, 1971.

¹⁶ «Литературная газета», 25.VI.1970, стр. 15.

Аргедас, проявивший немало личного мужества во всех этих делах, ибо пока он добрался до Гаваны, он ходил по острию ножа, передал кубинцам не только документы из рюкзака Че. Об этом сообщил Фидель Кастро в 1970 г., выступая на митинге в честь 26 июля. «Я хочу сообщить вам следующее,— сказал тогда глава кубинского правительства.— После истории с дневником д-р Аргедас также боролся и старался переправить в нашу страну гипсовый слепок с лица Че, маску, которая была сделана там в день, когда он был убит, и, кроме того, он сохранил и переправил в нашу страну кисти рук Че Гевары. Руки Че сохранились. Кубинские специалисты приложили для этого особые усилия.

Традиции нашей страны хорошо известны. Она хоронит своих сынов. Это традиция. У каждого народа есть свои традиции. Масео, Марти были похоронены. И так мы будем поступать всегда. Но мы задались вопросом: «Что делать с руками Че?» Это его плоть, единственное, что у нас осталось от него. Нам даже неизвестно, удастся ли нам когда-нибудь найти его останки. Но у нас есть руки, которые практически в целости и сохранности. Именно поэтому мы желаем задать народу вопрос, каково его мнение по этому поводу (возгласы: «Сохранить их!»).

— Сохранить?

Тогда мы хотим вынести на суд народа такое предложение: уже сделана копия с маски, и мы можем сделать таким способом много репродукций и сохранить оригинал маски. Можно также хранить руки Че в стеклянной урне и поставить ее здесь, у статуи Марти, в каком-нибудь зале в день очередной годовщины его гибели. Это руки, в которых он держал оружие, ведя борьбу за освобождение, руки, которыми он писал, излагая свои блестящие мысли, руки, которыми он работал на плантациях сахарного тростника, в портах, на стройках. И можно сделать нечто вроде музея Че, если вы захотите, нечто вроде временного музея.

Че не принадлежит нашей стране. Че принадлежит Америке. И наступит день, когда эти руки будут находиться там, где пожелают народы Америки. А пока наш народ будет хранить их и будет заботиться о них».

* * *

Как же развивался революционный процесс в Латинской Америке после гибели Эрнесто Че Гевары 9 октября 1967 г.? На этот вопрос трудно ответить однозначно.

Год спустя после гибели Че, в ночь со 2 на 3 октября 1968 г., в Перу власть взяло в свои руки высшее командование перуанской армии, образовавшее военное правительство во главе с генералом Хуаном Веласко Альварадо. Правительство Веласко Альварадо в короткие сроки национализировало собственность американской «Интернешнл петролеум компани», осуществило радикальную аграрную реформу, установило дипломатические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами и приняло ряд других мер, свидетельствующих о том, что Перу встает на путь антиимпериалистических, антиолигархических преобразований.

Прошло два года, и в Чили на президентских выборах победил блок Народного единства, объединяющий все прогрессивные революционные силы страны. Президентом Чили стал лидер блока — Сальвадор Альенде. Впервые путем парламентских выборов в одной из стран Латинской Америки к власти пришли революционные силы. Озлобленная их бескровной победой, реакция пыталась убийством военного министра генерала Шнейдера и другими действиями спровоцировать гражданскую войну, но ее происки потерпели провал. Правительство президента Сальвадора Альенде, опираясь на единство революционных сил и поддержку трудящихся, приступило к намеченным преобразованиям: национализировало главное богатство страны — медь, убищило проведение аграрной реформы, стало осуществлять независимую внешнюю политику, восстановив дипломатические отношения с Кубой и другими социалистическими странами.

События в Перу и Чили не прошли бесследно и для Аргентины. Правительство этой страны, возглавляемое генералом Лануссе, высказалось, вопреки планам Пентагона, за сотрудничество с Перу и Чили на основе взаимного невмешательства и уважения суверенитета.

Не менее знаменательные события произошли в Боливии. 27 апреля 1969 г. пре-

зидент Баррьентос погиб в авиационной катастрофе. В сентябре того же года в результате очередного военного переворота президентом был провозглашен генерал Альфредо Овандо Кандия. Но он уже не мог править страной традиционными методами своих предшественников. Чтобы удержаться у власти, Овандо был вынужден не только говорить о защите национальных интересов, но и кое-что сделать реальное в этом направлении. Подражая перуанским генералам, он национализировал собственность «Боливиэн галф ойл компани» — филиала американской нефтяной монополии «Галф ойл корпорейшн». Более того, он тоже установил дипломатические отношения с Советским Союзом и даже пытался возложить всю ответственность за гибель Че Гевары на покойного Баррьентоса.

Действия Овандо вызвали среди боливийского офицерства острую борьбу. 6 октября 1970 г. правительство Овандо пало. Через некоторое время в президентском дворце в Ла-Пасе утвердился генерал Хуан Хосе Торрес, который при Баррьентосе был начальником генерального штаба. Торрес выдвинул прогрессивную программу социальных преобразований, его поддержали трудящиеся — шахтеры, крестьяне. Торрес восстановил демократические свободы, освободил политических заключенных, в том числе и Дебрэ. Однако и этот президент не смог удержаться у власти: в августе 1971 г. он был свергнут, а его преемником провозглашен полковник Бансер. Демократические силы Боливии не смогли оказать действенное сопротивление превосходящим силам реакции.

И все же, несмотря на это поражение, революционный процесс в Латинской Америке, спустя пять лет после гибели Эрнесто Че Гевары, развивался успешно. Правда, иногда он принимал, если смотреть с позиций пятилетней давности, неожиданные формы.

Действительно, тогда мало кто мог предположить, что активными участниками этого процесса станут высокопоставленные военные и даже некоторые из тех, кто вел войну против Эрнесто Че Гевары и его мужественных соратников, поднявших знамя антиимпериалистической революции в далеких горах Боливии. Не менее трудно было тогда предположить, что где-нибудь антиимпериалистические силы смогут в результате выборов, невооруженным путем, прийти к власти, как случилось потом в Чили.

Но если вдуматься глубже, то в этих событиях можно будет проследить определенную закономерность. Революционный процесс растет, расширяется, резко обостряются противоречия между народами Латинской Америки и империализмом США, происходят структурные изменения в классах, в антиимпериалистическую борьбу включаются все новые и новые слои населения. Некоторые деятели правящих классов, опасаясь худшего, хотели бы отделаться верхушечными преобразованиями, другие примыкают к революции в надежде затормозить ее или сбить с пути, третьи выступают против империализма из патриотических соображений. Всем становится очевидным, что революция неизбежна, что она на повестке дня, что она совершится, хотя того или нет ее противники.

Все это усложняет революционный процесс, придает ему новые формы, отличающиеся от общепринятых моделей, формул и понятий. Но суть дела не во внешней оболочке событий, а в их содержании, в реальных успехах революционного движения. Центр этого движения сегодня переместился в южный конус латиноамериканского континента, т. е. в те земли, где пять лет тому назад вел неравный бой тот, кто верил в бессмертное дело революции и в ее конечную победу над силами реакции и империализма.

Успехи латиноамериканской революции существенно ослабляют позиции империализма в мире. «В целом подъем революционного движения на латиноамериканском континенте имеет огромное значение для мирового революционного процесса. Еще совсем недавно, казалось бы, надежные тылы американского империализма превращаются в гигантский очаг антиимпериалистической революции. Под боком у главной цитадели империализма — США развертывается революционное движение огромной мощи. Эти сдвиги оказывают и, несомненно, будут оказывать сильное влияние на дальнейшее изменение соотношения мировых сил в пользу международного рабочего класса, в пользу социализма»¹⁷.

¹⁷ Секретарь ЦК КПСС Б. Пономарев. Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса. — «Коммунист», 1971, № 15, стр. 62.

Первым государственным и партийным деятелем Советского Союза, посетившим революционную Кубу в 1960 г., еще до возобновления дипломатических отношений между нашими странами, был Анастас Иванович Микоян. В интервью, которое А. И. Микоян любезно согласился дать автору этих строк, он рассказал о своих первых впечатлениях от встречи с революционной Кубой, о Че Геваре, которого хорошо знал.

— Мы прилетели в Гавану 4 февраля 1960 г. на открытие советской выставки достижений в области науки, техники и культуры, — рассказывает Анастас Иванович. — В аэропорту нас встретили премьер-министр товарищ Фидель Кастро, товарищ Эрнесто Че Гевара, тогда занимавший пост директора Национального банка Кубы, министр иностранных дел товарищ Рауль Роа и другие деятели кубинской революции. В аэропорту собралось много трудящихся. Встреча была теплой, радушной, я сразу почувствовал себя среди друзей, единомышленников. Молодость кубинских руководителей, их революционная «горячность», их революционный энтузиазм, предельная искренность, вера в свое дело и такие же энтузиазм и вера в дело революции широких слоев народа — все это говорило о том, что кубинская революция отвечала чаяниям и надеждам трудящихся масс.

Революционная Куба 1960 года в известной степени напомнила первые годы становления Советской власти в России. Все подлинно социальные революции имеют между собой много общего. Они пробуждают энергию и энтузиазм трудящихся масс, удесятеряют их решимость и волю к борьбе. Революция делает массы политически сознательными, способными на самопожертвование и героические подвиги. Одновременно с этим каждая революция имеет и свои особенности, свой, если хотите, собственный национальный колорит. Местные условия, исторический опыт народа, его традиции, психология, степень развития экономики и ее зависимость от иностранного капитала, степень сознательности рабочего класса, степень влияния его авангарда и многие другие обстоятельства приводят к тому, что каждая революция отличается от других какими-то особенностями. Революции, как дети одной семьи, у каждого из детей своя индивидуальность, свои особенности, которые отличают его от братьев и сестер. И в то же самое время между ними много общего, много схожего, много «родственного», это то, что их роднит и сплачивает в единую семью.

Че Гевара, — продолжал Анастас Иванович, — обращал на себя внимание даже своим внешним видом. Он казался стройным, по-своему изящным, хотя и был довольно коренастым. Лицо у него было мужественным и одновременно благородным. Подкупала его обаятельная улыбка. Из разговоров с ним создавалось впечатление как о всесторонне образованном, культурном, начитанном человеке. Но все это еще не делало Че выдающейся личностью. Главное в нем, конечно, был не внешний облик и не столько его эрудиция, сколько то, что он был революционером со стальной, я бы сказал, нестигаемой убежденностью в правоте своих взглядов. Он был беззаветно предан делу революции, делу освобождения трудящихся от всякого гнета, от нищеты и прочих язв капитализма и империализма. Революционер до мозга костей — таким был Че Гевара. Самозабвенное служение революции — в этом было его главное увлечение, его счастье, его высший идеал. Ему в высокой мере было присуще чувство революционной чести, революционного долга. Поэтому трудности, опасности не отталкивали его, а, наоборот, привлекали. Бесстрашный, он всегда был готов отдать свою жизнь за идеи, в которые верил. В то же время ему были чужды какая-либо рисовка, хвастовство, показная храбрость, бахвальство и пустозвонство. Все его слова, жесты, дела и поступки были проникнуты искренностью, скромностью и простотой.

Чувствовалось, что этот интеллигент, «книжник» не был кабинетным работником, отшельником-эрудитом. Его привлекали борьба, горячие схватки, смелые подвиги. Но это не был и Дон Кихот, мечтавший сразиться с ветряными мельницами, с мнимыми врагами. Враг у него был весьма конкретным, имя ему — империализм. Сражаться с ним Че Гевара считал делом революционной чести, революционного долга.

Мы много беседовали с Че, часто спорили с ним. Его отличали нетерпеливость, прямолинейность, вера в чудодейственную силу революционного действия, бескомпро-

миссность в борьбе. В известной степени все революционеры, в особенности молодые, «грешат» этим. Многим из нас только жизненный опыт, а под ним следует понимать не только успехи, но и неудачи, приносит трезвость суждений: только с жизненным опытом дисциплинируется революционная страстность, приходит понимание важности не только наступления, но и передышки, которая дает возможность собрать, накопить нужные силы, чтобы вновь ринуться в бой. Об этом свидетельствует богатейший опыт Великой Октябрьской социалистической революции, нашего Советского государства, об этом свидетельствует и опыт международного коммунистического движения.

Мы говорили об этом с Че Геварой. Во многом он со мной соглашался, однако во многом придерживался прямо противоположного мнения. Однажды я даже сказал ему в шутку, что он соответствует своему имени Че, что по-армянски означает «нет». Услышав это, он от души, добродушно расхохотался. Переубедить Че Гевару было трудно, как, впрочем, и ему меня. Только жизнь, только само развитие революционного процесса могло внести соответствующие коррективы в наши споры, показать, в чем ошибался он, в чем ошибался я. Но наши споры были спорами двух единомышленников, а не противников. Мы оба были коммунистами, и это определяло взаимное уважение, которое мы испытывали друг к другу, и дружбу, объединявшую нас.

Хочется особо сказать о впечатлении, которое на меня произвели взаимоотношения между Фиделем Кастро и Че Геварой. Мы много раз бывали вместе, иногда только вдвоем — не считая переводчика. Поэтому у меня была возможность оценить какую-то особую дружбу, связывавшую их, дружбу, проникнутую абсолютным доверием и взаимопониманием. Характерами эти два кубинских революционера различались заметно. Но темпераментный, горячий, увлекающийся Фидель и, казалось бы, хладнокровный, спокойный Че прекрасно ладили друг с другом, ценили друг друга, в том числе быть может как раз и за те качества, которые отличали их друг от друга.

После гибели Гевары я не видел Фиделя Кастро, но встречался с его братом Раулем, приезжавшим в Москву, и хорошо знаю, как тяжело оба они перенесли эту утрату. Я до конца разделяю ее с ними.

Когда я читал «Боливийский дневник» Че, мне казалось, что он написан кровью этого благородного революционера.

С болью в сердце читал я последние страницы дневника, представлял себе последние дни жизни Че. Как мало слов на этих страницах, как много драматизма революционных боев! Беспредельное уважение вызывают его мужество, стойкость, готовность бороться до конца, о чем свидетельствует дневник. Это тем более ярко характеризует его облик как нестигаемого борца, остающегося таким, несмотря на поражение, ибо речь шла о поражении партизанского отряда, на который он возлагал большие надежды. Такие люди, как Че, не погибают бесследно. И после смерти они остаются в строю, продолжая своей жизнью вдохновлять новых и новых бойцов на борьбу за коммунизм, за освобождение всего человечества от эксплуатации и всяческого гнета. Светлый образ коммуниста Эрнесто Че Гевары будет жить вечно в памяти народной, в сердцах его друзей и товарищей по борьбе и всех тех, кто встречался с ним.

